

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-43

Зверев, Сергей Иванович.

3-43 Скользящая тень / Сергей Зверев. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-212771-7

Слежку за собой она почувствовала сразу. Проработав долгое время под прикрытием в Министерстве обороны Франции, агент с позывным Канарейка стала настоящим профессионалом. Приказ покинуть Париж пришел незамедлительно... По следу разоблаченной шпионки французские спецслужбы пускают одного из своих лучших сыщиков. Кажется, еще немного, и ловушка хлопнется... На помощь разведчице направляется группа спецназа ГРУ капитана Артура Кислицына. Прикрывая беглянку, бойцы идут по ее следу, каждый раз убеждаясь, как ловко Канарейка переигрывает своих противников. Все шло удачно, пока в одной из гостиниц хваленый парижский сыщик не разгадал план разведчицы...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-212771-7

© Зверев С.И., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

Квест — это особый мир, где приключения и реальность соединяются. Представьте себе видеоигру, только в реальной жизни. Вместо экрана у вас реальные предметы, здания, улицы. Вам предстоит решать загадки, искать улики, работать в команде. Каждое правильное решение приближает вас к цели. Обычно квесты имеют сюжет, и ваша миссия — разгадать его.

(Из интернета)

ГЛАВА 1

У этого агента был неожиданный, милый и по-своему мирный, а отчасти даже лиричный позывной — Канарейка. Почему именно Канарейка, объяснить не мог никто: ни многочисленное начальство, ни такие же многочисленные инструкторы, которые готовили агента к выполнению нелегкой миссии. Канарейка — и все тут.

Впрочем, сам агент мог бы рассказать, почему у него такое прозвище, если бы кто-нибудь об этом спросил. Дело в том, что этот агент — женщина. Да-да, молодая, милая, привлекательная женщина. И вот представим, ей зачем-то нужно придумать себе прозвище. Притом такое прозвище, которое, скорее всего, пристанет к ней на долгие годы или даже и на всю жизнь. Какое прозвище она выберет? В силу своего психологического устройства и повинуюсь зову своей женской сути, она ни за что не станет выбирать для себя какой-то эпичный, суровый или циничный позывной. Все это — удел мужчин. А вот

женщина обязательно выберет себе что-нибудь этакое — лирическое, нежное и домашнее. Канарейка. Отчего бы и нет? Пусть даже женщина занимается таким неженским делом, как разведка.

Почему так? Сказано же — такова женская суть. Женская душа, если угодно. Добрый и нежный позывной помогает ей оставаться женщиной. Одним словом — психология. Даже так — женская психология.

Как Канарейка стала разведчицей? Ну, это отдельная тема. Да и не об этом пойдет у нас разговор, поэтому скажем лишь, что, когда она оказалась полностью готова к заданию, ее, задевствовав все каналы связи, внедрили в Министерство обороны Франции.

Здесь Канарейка трудилась в должности стенографистки. Выбор пал на нее неслучайно: стенографистка имеет доступ к самой значимой, стратегически важной информации. В силу своей должности она присутствует на секретных совещаниях, к ней в руки попадают тайны той организации, в которой она трудится, — вот что такое стенографистка! Попасть разведчику на такую должность, обосноваться там — это, несомненно, огромный успех.

Еще более значимый успех — не вызвать ни у кого подозрения. Это нелегко, ведь чем больше нового она узнает, тем чаще ей приходится выходить на связь с той самой инстанцией, которую

обычно принято называть «Центр». Внедрить агента в недра неприятельского министерства обороны было редкой удачей, и потому Центр как мог лелеял ее. Никто, за исключением нескольких человек в штабе, не знал о Канарейке ничего. Никто о ней не упоминал вслух, ни в каких ведомственных бумагах она не числилась, а если и числилась, то под грифом «Секретно».

Но всякая такая информация, похищенная в этих самых недрах и переданная в дружественный Центр, рано или поздно производит желательное для Центра и нежелательное для неприятельского министерства обороны действие. Вполне логично, что рано или поздно министерство обороны, а за ним вся страна в целом, приходят в состояние беспокойства и начинают думать — как же, мол, оно так получается? То есть каким таким образом важная, просто-таки наисекретнейшая информация становится известна другой стране?

Ответ всегда напрашивается один — кто-то эту информацию похищает. Разумеется, этот «кто-то» — вражеский разведчик. Шпион. Его следует немедленно найти.

И начинаются нервные, судорожные поиски. Результат бывает разным. Здесь все зависит от умения тех, кто ищет, от умения маскироваться того, кого ищут, а еще — от множества случайностей, совпадений и прочих второстепенных

обстоятельств. Про последнее говорят так: иголка мала, да больно колет.

А что же разведчик? Для него в такой ситуации главное — вовремя почуять опасность, предпринять все мыслимые усилия и пойти на все ухищрения, чтобы себя обезопасить. В самом крайнем случае придется скрываться. Более желательно — выбраться за границу. Страна, в которой разведчика разоблачили, становится для него ловушкой, западней. Размеры страны в данном случае не имеют почти никакого значения. Какая, в конце концов, разница, велика западня или нет? В любом случае погибель.

Именно такой западни и пыталась избежать Канарейка. Ее разоблачили. Точнее сказать, она была в шаге от разоблачения. Пока ее никто не трогал и тем более никто не пытался арестовать, но это ничего не значило. Ключевым словом здесь было слово «пока». Оно означало, что арестовать Канарейку могли в любой момент и в любом месте: прямо на ее рабочем месте, дома (она снимала квартиру в доме, расположенном на самой окраине Парижа), по пути на работу, в кафе во время обеда — да мало ли где еще? С одной стороны, арест — дело тонкое, но с другой стороны — нехитрое. Арестовать всегда проще, чем скрыться от ареста.

Канарейка чувствовала неминуемость собственного ареста. Любой опытный разведчик

замечает и понимает тот момент, когда вокруг него начинает смыкаться незримое кольцо. Хоть оно и незримое, выбраться из него бывает не просто, зачастую — почти невозможно. Вернее, так: выбраться из него можно лишь тогда, когда оно не до конца еще сомкнулось, когда в нем остаются еще зазоры или хотя бы один, самый малый, зазор.

Определять, что это кольцо смыкается, учат разведчика по множеству примет. Их нужно не просто определять — чувствовать. Впрочем, научиться чувствовать нельзя. С таким умением нужно родиться, поэтому так сложно стать настоящим разведчиком. Не умеешь чувствовать, нет у тебя интуиции, не даны тебе эти качества небесами — значит, не быть тебе разведчиком.

Ну ко всему прочему разведчика обучают в том числе и умению замечать и вычислять тот момент, когда ты попал под подозрение. И умению действовать, будучи под подозрением. Все эти науки Канарейка в свое время усвоила очень даже хорошо, она сдала на отлично все соответствующие экзамены. Впрочем, любой экзамен, даже сданный на отлично, — это всего лишь теория. И вот теперь настал момент — теорию нужно было подтвердить практикой, то есть предпринимать какие-то действия, которые помогли бы Канарейке избежать ареста.

Но прежде — как все-таки она поняла, что она под подозрением? О чувствах и ощущениях говорить не будем. Что о них можно сказать вразумительного? Они или есть, или их нет. Это работа человеческой души, в нее не залезешь.

Итак, Канарейка обнаружила за собой слежку. За ней следили непрерывно, днем и ночью, и на работе, и по пути к дому, и когда она находилась дома. А еще — ей вдруг перестали поручать ответственные задания. Если раньше ее в качестве стенографистки приглашали на всевозможные совещания самого высокого уровня секретности, то в последнее время ее и вовсе перестали куда-либо приглашать. Так, изредка лишь давали ей какие-то малозначительные задания, из которых невозможно было выжать хоть какую-нибудь более-менее ценную информацию. Ее там попросту не было.

Это означало многое. В первую очередь — Канарейке перестали доверять. Раз ей перестали доверять, то ее подозревают. В чем ее могли подозревать, Канарейке было понятно. Если так, отчего ее не арестовывают? Допустим, те, кто ее подозревают, еще не до конца убедились в том, что она действительно разведчик. Или, как это почти всегда бывает, подозревают не только ее, но еще нескольких лиц. И только когда те, кто подозревают, наверняка убедятся в своих подозрениях, вот тогда-то Канарей-

ку и арестуют. Да, именно так — арестуют, не убьют. Что толку от мертвого вражеского разведчика? А живой может рассказать много чего интересного...

Что еще насторожило Канарейку? В последнее время несколько раз кряду ей подсовывали специфическую информацию. На первый взгляд это была исключительно ценная информация о разработке нового, невиданного доселе оружия. Она вся была в довольно-таки неупорядоченном виде, и Канарейке было поручено разобрать все бумаги, причем не сходя с места, а иначе домой уходить запрещено.

Канарейка добросовестно выполнила порученное ей задание. В то же время она поняла, что этой информации грош цена. Это дезинформация. Уж слишком Канарейку торопили с выполнением поставленной задачи! Ей явно давали понять, что сведения о новом оружии будут в руках Канарейки недолго. Если Канарейка вражеский разведчик, то она должна успеть каким-то образом скопировать эту информацию и передать туда, куда положено. Однако не то что скопировать, разобраться и запомнить самое важное не получалось. Попробуй запомни хоть что-то, когда документы так халатно составлены! Очевидно, ставка была на то, что она разоблачит себя, пока возится со сведениями о новом оружии. Все это время за ней следили.

Классический, просто-таки древний способ изобличить замаскированного шпиона. Разумеется, Канарейке этот способ был известен в теории, все это она проходила, когда ее только еще учили быть разведчиком. Теперь же настало время практики. Вариант скопировать информацию и передать ее в Центр был сразу отброшен.

Да, это была проверка. Дело худо. Канарейка в чем-то допустила промах. Где-то и как-то она себя разоблачила. Дала повод для подозрения. Она не терзала себя мыслями: с ходу ответ на этот вопрос отыскать невозможно. Вопросы и ответы на них будут потом, в другой обстановке и в другой ситуации. Пока же Канарейке необходимо было искать ответы совсем на другие вопросы. Насколько серьезно и основательно ее подозревают? Можно ли как-то избавиться от подозрений? А если нельзя, то что делать дальше? Выбрать момент и исчезнуть? Но когда именно наступит такой момент? Слишком спешить тут нельзя, но и медлить тоже. Чрезмерная спешка приведет к тому, что Канарейка сама себя выведет из игры. Это нежелательно: вряд ли российским спецслужбам удастся еще раз внедрить своего агента в столь благодатное место. Ну а с промедлением и без того все было ясно. Если Канарейка промедлит — ее арестуют. Вот и поступай как знаешь.

Да вот беда: для того чтобы сделать своевременный, правильный шаг, необходимо много

чего. Интуиция — само собой. Помимо интуиции, нужно еще знать, насколько основательно Канарейку подозревают. Какие неопровержимые факты и улики против нее собраны, из каких источников? Ничего этого Канарейка не знала да и знать не могла. Откуда бы она добыла такие сведения? Она, конечно, попыталась бы их добыть, но за ней следили, так что об этом и речи быть не может. Наоборот, сейчас Канарейке нужно было вести себя так, будто с ней ничего такого не случилось, будто она ни о чем таком не догадывается и ничего не подозревает. Ей нужно было казаться предельно спокойной. Тоже классика. Зачастую разведчик, который предчувствует свой провал, начинает чрезмерно суесться и нервничать и, будучи в ослабленном положении, совершать всяческие изобличающие его ошибки. Ошибка, изобличающая разведчика, — это его последняя ошибка.

Конечно, Канарейка не была в одиночестве среди враждебного окружения. Были у нее и советчики, и помощники. Только с ними общаться сейчас было опасно. Если с ними встретиться или, допустим, связаться каким-то другим способом, то, чего доброго, и на них можно было навести подозрение, а тогда под угрозой разоблачения могла оказаться целая агентурная сеть.

И тем не менее выхода не было. Пришлось Канарейке встретиться со своим связным. Она,

собственно, мало чем рисковала. Этим связным была хозяйка модного салона, расположенного на одной из престижных парижских улиц. Вот уже несколько лет кряду, а точнее с того самого момента, когда Канарейка обосновалась в Париже, она и хозяйка салона довольно часто общались. Канарейка всегда делала так: когда ей было нужно встретиться со связным, она приходила в модный салон и заказывала себе новую вещь. Чтобы ни у кого не вызвать подозрения, Канарейка всегда забирала заказы. Так почему бы не зайти в салон еще раз и не заказать себе еще один наряд?

Так Канарейка и поступила. Для встречи с хозяйкой салона у нее имелись специально выделенные дни — вторник и пятница. Если встреча была экстренная, то на этот случай был и запасной день — суббота. Именно в субботу Канарейка и явилась в салон (медлить не приходилось, каждый день мог быть решающим).

Понятно, что хозяйка салона, увидев Канарейку в запасной день, встревожилась. Ведь это означало, что случилось нечто особенное, а особенное — значит неприятное. Может даже быть — что-то крайне опасное.

— Амели, — сказала хозяйка одной из своих работниц, — видишь, к нам пришел наш постоянный заказчик. Я поговорю с ней сама, — она

указала на Канарейку. — А ты займись другими клиентами.

У хозяйки салона — ее звали мадам Лилу — было свое отдельное помещение. Сюда она и пригласила Канарейку.

— Что-то случилось, девочка? — встревоженно спросила мадам Лилу также на французском, чтобы не вызвать подозрений.

— Похоже, что случилось, — ответила Канарейка.

— Рассказывай во всех подробностях. А я передам кому следует.

Канарейка рассказала — и о конкретных фактах, и о своих предчувствиях. Предчувствиям мадам Лилу поверила еще больше, чем фактам, ведь она была женщиной, а для женщин интуитивные предчувствия гораздо важнее даже самых неумолимых фактов. Какое-то время обе женщины молчали, а затем мадам Лилу задумчиво и встревоженно произнесла:

— Да... И в самом деле... Похоже, что ты попала в переplet. Все, что ты мне рассказала, — это неслучайно. Ах ты ж, милая моя пташка! Ведь если ты попадешь в их когти, то уже не выберешься! Вот что я тебе скажу. Тебе надо скрыться. Немедленно! Сегодня же! Завтра может быть поздно. Я, конечно, не могу тебе это приказать, но посоветовать — могу. Я прожила на этом свете

много лет, и я не дам тебе напрасного совета. Убегай! Ты же знаешь, что для этого нужно?

— Знаю, — кивнула Канарейка.

— Тогда — улетай, — горестно вздохнула мадам Лилу.

— И все-таки я бы хотела, чтобы вы доложили о ситуации куда следует, — сказала Канарейка. — Пускай там решают, улетать мне или еще немного подождать.

— Я доложу. — Мадам Лилу вздохнула еще глубже. — Сегодня же. И завтра ты будешь знать результаты. Как обычно, придешь завтра ко мне на примерку и все узнаешь.

— Хорошо.

— Ну, тогда пошли в общий зал. Будем снимать с тебя мерку для твоего костюма. Нельзя, чтобы кто-то заподозрил, что мы с тобой здесь шушукаемся. Коль ты говоришь, что за тобой следят, то они могут следить и здесь. Мы их не видим и не знаем, кто они такие, а они — следят...

— Да, вероятно.

— Тогда пошли... Так вы говорите, что хотели бы заказать себе костюм именно такого фасона? — последние слова мадам Лилу произнесла нарочито громко, чтобы их могли слышать все, кто того пожелает. — Что ж, я одобряю ваш выбор. Конечно, этот фасон несколько необычен, но для дамы вашей комплекции он подойдет вполне. Подчеркнет то, что нужно

выставлять напоказ, и скроет то, что никому показывать не следует. Поверьте, я знаю, что говорю. Конечно, это будет дороговато, но мы ведь говорим сейчас не о деньгах, а о красоте. У красоты особая цена!

И мадам Лилу стала снимать с Канарейки мерку ее будущего костюма. Делала она это нарочито долго и чрезмерно старательно, всем своим видом показывая, что ее заботит исключительно костюм и ничего кроме.

— Ну вот и готово, — громким голосом произнесла мадам Лилу. — Завтра можете прийти на первую примерку.

— Благодарю, — кивнула Канарейка. — Я обязательно приду.

Она вышла из салона, неторопливо пошла по улице. Это была улица Сен-Шарль, одна из самых древних и колоритных парижских улиц. Однако Канарейке сейчас было не до парижских красот и древностей. Ее занимали мысли и чувства куда как прозаичнее и актуальнее. Ей надо было определиться, следят ли сейчас за ней. Нет, она не собиралась обрубить себе хвост, как принято выражаться на шпионском жаргоне. Пускай следят, а она будет делать вид, что не замечает слежки. Элементарный психологический расчет: обычный человек никогда не замечает за собой слежки. Кто может следить за обычным гражданином, кому он может быть интересен?

Канарейка старалась изображать обычного человека. Она шла по улице, то и дело останавливалась, подолгу вглядывалась в витрины магазинов, даже в одном из магазинчиков купила какую-то безделушку, мило пообщалась с мамашей, которая везла в коляске очаровательного малыша... При этом вид у нее был беспечный и рассеянный, как оно и полагается молодой женщине, которая без каких-то конкретных целей прогуливается по городским улицам и которой не грозят никакие неприятности. Так что пускай за ней следят, а она будет делать вид, что не замечает за собой никакой слежки. Словом, все, как ее учили.

И тем не менее слежка; это было скверно. Если за Канарейкой сейчас следили, то, соответственно, знали, что она совсем недавно побывала в модном салоне. Они вполне могли связать это на первый взгляд безвинное посещение с чем-то этаким. Могли взять в оборот всех, кто работает в салоне, начиная с мадам Лилу. Это было уже по-настоящему скверно: в руках тех, кто следил за Канарейкой, могла оказаться та самая классическая ниточка, потянув за которую можно будет размотать и весь клубок. Они выйдут на след целой агентурной сети. Конечно, мадам Лилу была человеком проверенным и опытным, и просто так, голыми руками, взять ее было сложно, но все же, все же...

Итак, следят за Канарейкой или не следят? Она не могла определить это в точности. По улице снуют столько людей — любой в принципе может быть соглядатаем. Даже, например, та мамаша с милым ребенком в коляске. Или вот эта старушка, которая сейчас провожает Канарейку старческим безучастным взглядом. Мало ли...

Чтобы развеять сомнения или, наоборот, подтвердить их, Канарейка применила несколько испытанных приемов, которым ее обучали еще тогда, когда она только лишь постигала премудрости этого сложного ремесла.

Вначале она несколько раз, притом резко, остановилась перед витринами каких-то магазинчиков. Затем она следила за отражениями в витрине, будто бы невзначай осматривалась. Тут-то Канарейка и заметила, что каждый раз, как только она останавливается у какой-нибудь витрины, неподалеку от нее останавливается парочка — молодой парень и такая же молодая девица. Канарейка проделала три таких нехитрых приема один за другим, и всякий раз результат был одинаковым: парочка то и дело оказывалась неподалеку. Конечно, они делали вид, что не обращают на Канарейку никакого внимания, а, наоборот, всецело поглощены друг дружкой: они громко смеялись, о чем-то между собой говорили, то и дело целовались — что в этом такого? Так играют настоящие профессионалы.

Канарейка предприняла еще один прием. Она ускорила шаг, а затем резко остановилась и тут же направилась в обратную сторону, будто бы она вспомнила что-то такое, что вынудило ее вернуться. Этот трюк был настолько неожиданный, что следовавшая за Канарейкой парочка едва на нее не натолкнулась. Канарейка, не останавливаясь, извинилась перед парочкой и продолжила свой путь. Сворачивая в какой-то проулок, она как бы невзначай обернулась и увидела, что парочка упорно следует за ней.

Сомнений не осталось — за ней следят. Ну что ж... В любом случае надо было доиграть спектакль до конца. Канарейка зашла в какой-то подвернувшийся магазинчик и купила в нем что-то из дамских принадлежностей, будто бы по пути она вспомнила именно об этом. Выйдя из магазина, она пошла домой — отсюда до ее квартиры было недалеко.

Оказавшись у себя в квартире, она осторожно выглянула в окно. Квартира была на втором этаже, окно выходило на улицу, и из него была видна часть тротуара, и там, на тротуаре, Канарейка заметила хорошо знакомую парочку. Казалось, они все так же были поглощены друг другом, они по-прежнему смеялись и целовались. Но при этом никуда не уходили. Они выполняли задание. Они следили за Канарейкой.

ГЛАВА 2

На следующий день Канарейка вновь пошла в модный салон — якобы на примерку нового костюма. Не идти было нельзя — мадам Лилу должна была сообщить, что Канарейке делать дальше. Остаться на прежнем месте? Немедленно уходить, чтобы избежать ареста?

Вчерашней парочки нигде не наблюдалось. Впрочем, это и понятно: сейчас за Канарейкой, скорее всего, следил кто-то другой. Она не стала вычислять, кто бы это мог быть, — смысла в этом сейчас не было. Главным сейчас было решить, что ей делать дальше.

— И все-таки тебе надо уходить, девочка, — сказала ей мадам Лилу и указала рукой куда-то в сторону. — Там так и сказали — тебе надо уходить. Немедленно. Нынешней же ночью. Даже не сказали, а приказали. Вот такие, стало быть, дела...

— Понятно, — сказала Канарейка и невесело усмехнулась: — Что ж, прощай, Париж, прощай, моя любовь. Так, кажется, поется в какой-то песенке...

— Кроме Парижа есть и другие города, — сказала мадам Лилу. — На твой век хватит...

Затем последовала примерка нового костюма. Без нее невозможно было обойтись: спектакль нужно доиграть до конца. Тем более что где-то